

Л. А. Файнберг**КНУД РАСМУССЕН — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭСКИМОСОВ**

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Эскимосы — небольшой народ. Их численность не достигает и 100 тыс. человек. Но и среди народов значительно более многочисленных трудно назвать такой, о котором было бы написано столько книг и статей в научных журналах. Так было не всегда. К рубежу XIX—XX вв. были напечатаны лишь монографии Э. Нельсона об эскимосах Берингова пролива, Ф. Боаса о так называемых центральных эскимосах Канады, Х. Ринка о коренных жителях Западной Гренландии и Г. Холма об эскимосах восточного побережья названного острова. В начале XX в. Х. Стинсби (Стеенсби) опубликовал интересную работу, посвященную происхождению эскимосской культуры¹. Но все эти исследования носили региональный характер, не охватывали всей области обитания эскимосов. Оставалось неизвестным, насколько близки или далеки друг от друга по своему хозяйству, материальной и духовной культуре различные племена эскимосов Аляски, Канады, Гренландии. Первые гипотезы о происхождении эскимосов основывались преимущественно на географическом распространении отдельных элементов культуры и этнографических описаниях отдельных изученных территориальных групп эскимосских племен. Археологическое изучение Американской Арктики еще не было начато. Как правильно писал позднее о подобных гипотезах известный датский этнограф Г. Хатт, «культурно-исторические теории, основанные на географическом распространении элементов культуры, хороши только как рабочие гипотезы, но для решения проблем нужны археологические факты»².

Первым, кто установил единство эскимосской культуры, положил начало глубокому, основанному на данных археологии и этнографии изучению происхождения этого народа, был Кнуд Расмуссен, знаменитый датский полярный исследователь, столетие со дня рождения которого отмечается в этом году.

Расмуссен был не только замечательным этнографом и фольклористом, сумевшим, как никто до него, проникнуть в духовный мир эскимосов, узнать и понять их представления о жизни и мироздании, их верования, предания и легенды. Он прославился и как выдающийся организатор комплексных экспедиций, геологические, физико-географические и биологические изыскания которых стерли немало белых пятен с карты

¹ E. Nelson. The Eskimo about Bering Strait.— «18th Annual Report of the Bureau of American Ethnology», Washington, 1899; F. Boas. The Central Eskimo. Washington, 1888; H. Rink. Eskimoiske eventyr og sagn, Bd I—II. København, 1866—1871; H. Steensby. Om Eskimo kulturens oprindelse. København, 1905; G. Holm. Ethnologisk skizze af Angmagsalikkerne.— «Meddelelser om Grønland», Bd 10, København, 1888.

² G. Hatt. North American and Eurasian culture connexions.— «Proceedings of the Fifth Pacific Science Congress», v. 4. Toronto, 1934, p. 2765.

Американской Арктики. С экспедиций Расмуссена начались археологические исследования Крайнего Севера Америки и сотрудничество в этих исследованиях ученых разных стран.

Кнуд Расмуссен родился 7 июня 1879 г. в поселке Якобсхавн на западном побережье Гренландии в семье пастора Кристиана Расмуссена. Мать Кнуда Расмуссена, Луиза Флейшер, была дочерью европейца и гренландской эскимоски и, как свидетельствуют люди, хорошо знавшие Расмуссена, например известный датский лингвист и этнограф В. Тальбицер, он всю жизнь чувствовал себя потомком эскимосов³. Расмуссен рос в окружении эскимосов, потому что в Якобсхавне было всего несколько семей приезжих европейцев. Расмуссен научился говорить на эскимосском языке раньше, чем на датском, и даже родной поселок он чаще называл не Якобсхавном, а Илулиссат (Ледяные Горы) — так называли его местные уроженцы. Почти ребенком Расмуссен плавал в эскимосском каяке и научился управлять собачьей упряжкой. Подростком он нередко ходил на охоту со взрослыми гренландцами или объезжал с отцом его приход, на сотни километров растянувшийся вдоль побережья. Любопытный мальчик стремился ни в чем не отставать от своих эскимосских сверстников. Он мастерски владел гарпуном, мог починить каяк и сани, построить иглу.

Все это очень пригодилось Расмуссену, когда он стал полярным путешественником. Вспоминая впоследствии о своем детстве, он писал: «Теперь, когда я оглядываюсь на события своей жизни, выходит, что все складывалось как-то естественно. И моя благодарность саням с собачьей упряжкой переходит в благодарность моему гренландскому детству. Сани были моей первой настоящей игрушкой, и с санями я решил главную свою жизненную задачу (имеется в виду путешествие Расмуссена на санях через земли всех эскимосских племен, живущих на арктическом побережье Америки. — Л. Ф.). Моим родным языком был эскимосский, которому другим полярным исследователям необходимо было сначала научиться; я жил одной жизнью с гренландскими звероловами, и поездки и путешествия даже в труднейших полярных условиях были для меня обычной, естественной формой труда»⁴. Но, на наш взгляд, самым важным из того, что дало Расмуссену проведенное в Гренландии детство, было духовное родство с эскимосами. Оно во многом предопределило его успех в изучении духовной культуры эскимосов.

Из Якобсхавна семья Расмуссенов переезжает в главный город Гренландии Готхоб, а несколько лет спустя в Данию, где Кристиан Расмуссен получил церковный приход в дистрикте Кронборг в Северной Зеландии. Кнуду в это время было 16 лет, и для завершения среднего образования его отдадут в гимназию в небольшом городке Биркереди. Сначала там ему пришлось нелегко, так как эскимосский язык он знал значительно лучше датского. Однако ко времени окончания гимназии способный юноша прекрасно владел датским литературным языком.

Поступив в 1898 г. в Копенгагенский университет, Расмуссен слушает лекции по этнографии, фольклористике, истории, философии и другим гуманитарным дисциплинам. Он не ограничивается ими и начинает также посещать лекции и семинарские занятия по естественным наукам. В свободное от занятий время Расмуссен много читает, главным образом книги о полярных путешествиях. Учеба идет успешно, однако размеренная городская жизнь, кабинетные занятия не удовлетворяют Расмуссена. Его влекут необозримые просторы Севера, он стремится поскорее осуществить свою давнюю мечту — стать полевым этнографом, исследователем северных народов. И в 1901 г., будучи еще студентом, Расмуссен едет в Лапландию. Там он несколько месяцев живет среди охотников и олене-

³ W. Thalbitzer. Knud Rasmussen: in memoriam.— «American Anthropologist», v. 36, № 4, 1934, p. 585.

⁴ К. Расмуссен. Великий санный путь. М., 1958, с. 20.

водов-лопарей, знакомясь с их своеобразной культурой и бытом. Эта первая научная поездка утверждает Расмуссена в его намерении прервать учебу в университете и при первой возможности целиком отдаться полевым исследованиям народов Крайнего Севера, прежде всего эскимосов.

Такая возможность представилась Расмуссену уже год спустя, в 1902 г., когда известный датский журналист Л. Мюлиус-Эриксен организовал фольклорную (в историю полярных исследований она вошла под названием Литературной) экспедицию в Гренландию. Расмуссен был приглашен участвовать в этом путешествии в качестве переводчика и вообще человека, хорошо знавшего коренное население Западной Гренландии и его обычаи.

Итоги экспедиции превзошли все ожидания. Ее участники не только записали многочисленные предания и легенды жителей западноренландского побережья, но, что особенно важно, добрались до самой отдаленной в то время группы так называемых полярных эскимосов. Научные исследования среди них никогда не проводились, хотя кое-что об этой группе было известно по воспоминаниям Росса, Пири и других путешественников-географов, использовавших полярных эскимосов в качестве проводников, погонщиков собак и охотников.

Появившаяся в 1905 г. на датском языке книга Кнуда Расмуссена «Новые люди», вскоре переведенная на английский язык, впервые познакомила как научный мир, так и широкие круги читателей с повседневной жизнью и бытом полярных эскимосов, их обычаями, верованиями, а также мифами, сказками и другими видами фольклора⁵. На книгу сразу же обратил внимание Ф. Боас. В этом «чарующем описании племени, живущего у пролива Смита», отмечал он, много интересных данных, свидетельствующих, в частности, о том, что у полярных эскимосов есть те же мифологические мотивы, что и у эскимосов Гудзонова залива, но в иных вариантах⁶. В материалах Расмуссена Боас нашел обоснование своей гипотезы о тесных связях между коренными жителями Северной Гренландии и побережий Гудзонова пролива в Канаде.

Таким обоснованием послужили и данные фольклора, особенно записанный Расмуссеном рассказ старого эскимоса по имени Меркусак. В молодости Меркусак вместе с большой группой эскимосов вынужден был уйти с Баффиновой Земли, спасаясь от голода. Несколько лет длилось их путешествие, пока они наконец достигли северо-запада Гренландии, где были приняты в племя полярных эскимосов. Пришельцы из Канады научили полярных эскимосов строить каяки и охотиться на морского зверя в открытой воде не только с кромки льда весной, но и летом прямо в море. Канадские эскимосы передали своим полярным собратьям и много других навыков, значительно обогатив их культуру. Так записи Расмуссена положили начало исследованию истории полярных эскимосов, внесли заметный вклад в изучение проблем миграций охотников Крайнего Севера и процессов взаимодействия культур.

Во время этой же экспедиции Расмуссен начал знакомиться с другой своеобразной группой коренного населения острова — с эскимосами юго-восточной Гренландии, говорившими на восточноренландском диалекте эскимосского языка и сохранившими самобытную культуру в гораздо большей мере, чем эскимосы западной Гренландии, в течение длительного времени испытывавшие датское влияние. Работая среди полярных эскимосов и уроженцев юго-востока острова, Расмуссен вырабатывал собственные методы исследований. Пользуясь знанием языка, местных приемов охоты и рыбной ловли, всего образа жизни коренного населения, Расмуссен старался держаться с людьми, которых хотел изучать не как чужеземный исследователь. Напротив, он стремился как бы слиться с

⁵ K. Rasmussen. Nye mennesker. København, 1905; *его же*. Under Nordvindens svøbe. København, 1906; *его же*. The people of the Polar North. London, 1908.

⁶ F. Boas. The Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay. N. Y., 1907, p. 567.

эскимосами: вместе с ними охотился и ловил рыбу, чинил каяки и сани, обсуждал повседневные дела и ни о чем не расспрашивал, пока не наступал день, когда окружающие начинали в какой-то мере отождествлять его со своим народом, пока желание рассказать о себе, о радостях и трудностях своей жизни, о событиях прошлого и надеждах на будущее не брали верх над сдержанностью и недоверием к европейцу. И тогда люди сами рассказывали Расмуссену все о себе, и так откровенно, как никому из его предшественников. По сравнению с Кнудом Расмуссеном даже Роберт Пири был чужаком среди полярных эскимосов, хотя он в течение почти 20 лет (1891—1909) бывал у полярных эскимосов, пытаясь из северо-западной Гренландии добраться до Северного полюса.

Записывая рассказы гренландских эскимосов об их обычаях, фольклорные произведения, Расмуссен старался быть максимально точным, адекватно воспроизводить на датском языке идиоматические обороты, которые употребляли его информаторы.

Методы записи фольклора складывались у Расмуссена постепенно. Во время Литературной экспедиции Расмуссен сначала слушал рассказы эскимосов, а затем записывал услышанное на датском. Это был пересказ, а не дословное воспроизведение услышанного, и то, что при пересказе Расмуссен старался быть, как уже отмечалось, максимально точным и сохранять идиоматические обороты, было достаточным для научно-популярных описаний быта эскимосов, но не для научных публикаций их фольклора.

Во время своих последующих экспедиций к эскимосам различных областей Гренландии, Канады и Аляски Расмуссен совершенствует свой метод: записывает текст по-эскимосски под диктовку рассказчика и лишь затем переводит его на датский или английский. Правда, теоретическими познаниями в области как общего языкознания, так и эскимосской лингвистики Расмуссен не обладал. В этом отношении он уступал, например, такому лингвисту-эскимосоведу и собирателю эскимосского, особенно восточногренландского фольклора, как В. Тальбицер⁷. Но вряд ли кто-либо из эскимосоведов мог сравниться даже с молодым Расмуссеном в чувстве языка, его оттенках, в глубине проникновения в духовный мир эскимосов.

После возвращения из Литературной экспедиции Расмуссен лишь полгода пробыл в Дании. Затем он снова отправился в Гренландию, на этот раз по поручению датского правительства, чтобы изучить возможности разведения домашних оленей на западном побережье острова, где живет подавляющая часть его населения. Домашние олени должны были здесь заменить диких, которые к этому времени почти исчезли вследствие многих лет перепромысла. Последнее обстоятельство отрицательно сказалось на положении западногренландских эскимосов, использовавших мясо оленей в пищу, а шкуры — для изготовления одежды.

Составив доклад с практическими рекомендациями по введению домашнего оленеводства и отослав его в Данию, Расмуссен снова отправляется к полярным эскимосам и проводит у них два года (1906—1908). На этот раз он не меньше, а может быть, даже больше чем научными проблемами, занимался вопросами практической жизни полярных эскимосов, разрабатывал планы помощи им, планы решения сложных вопросов, вставших перед этим маленьким народом в связи с началом контактов их с европейцами.

До конца XIX в. полярные эскимосы оставались одним из немногих народов мира, у которых почти в неизменном виде сохранялся первобытнообщинный уклад жизни. Это проявлялось, в частности, в бытовании у

⁷ W. Thalbitzer. Eskimoisk digtekunst. København, 1903; *его же*. Phonetical study of the Eskimo language, based on observations made on a journey in North Greenland. Copenhagen, 1904; *его же*. The Ammassalik Eskimo, pt. 2.—«Language and Folklore». Copenhagen, 1923.

них древнейшей формы распределения добычи — совместного потребления пищи — формы, уже исчезнувшей к этому времени у всех других эскимосских племен.

С началом серии экспедиций Пири к Северному полюсу полярные эскимосы (с их территории, как мы уже говорили, отправлялись экспедиции, а сами они были наемными работниками в них) стали испытывать во все возрастающих размерах влияние европейской материальной культуры и капиталистической экономики. Люди, работавшие у Пири, получали от него в качестве платы ножи, топоры, ружья, боеприпасы. За два десятилетия, в течение которых длились экспедиции, эти и многие другие европейские товары стали для полярных эскимосов необходимыми.

Между тем Расмуссену было ясно, что полярная эпопея Пири близится к завершению. Поступление европейских товаров на северо-запад Гренландии вот-вот могло прекратиться. А отвыкнуть от них, вновь вернуться к каменным орудиям, полярным эскимосам было бы, по убеждению Расмуссена, и практически и психологически трудно. Первоначально Расмуссен обратился к датскому правительству с просьбой о включении селений полярных эскимосов в сферу деятельности так называемой Королевской Гренландской торговой компании, которой принадлежала монополия на торговлю Дании с Гренландией. Но метрополия в то время сочла невыгодным открывать торговые представительства компании на далеком северо-западе острова, куда доставлять товары было и очень сложно и дорого. Более того, Датское королевство даже воздержалось от включения этой области в состав своих владений, и долгие годы она формально не принадлежала никакому государству.

Тогда Расмуссен решает взять на себя ответственность как за снабжение эскимосов этой области европейскими товарами, так и вообще за их судьбу. С большим трудом собрав в Дании деньги, он основывает на мысе Йорк факторию Туле и ставит во главе ее своего друга, а позднее участника нескольких своих экспедиций Петера Фрейхена. Фактория покупала шкурки песцов и другую продукцию охотничьего промысла, а в обмен снабжала полярных эскимосов оружием, боеприпасами, металлическими орудиями труда, керосином, мукой и т. д.

Доходы от деятельности фактории поступали на финансирование научных исследований Расмуссена и его коллег. Контролируя деятельность фактории, снабжение ее теми или иными товарами, Расмуссен стремился не допустить резкой ломки образа жизни и обычаев полярных эскимосов в ходе неизбежного в тех условиях процесса вовлечения их в сферу товарного капиталистического хозяйства.

Расмуссену удалось также ограничить деятельность проникших позднее в область полярных эскимосов миссионеров. Сам он постоянно занимался культурно-просветительной работой среди полярных эскимосов. Так, в 1920 г. он разработал и убедил их принять так называемый закон Туле, в котором были положения об охране фауны района, о запрещении хищнических приемов охоты, а также о запрещении кровной мести и некоторых других вредных обычаев. Всей жизнью полярных эскимосов руководил совет, созданный по инициативе Расмуссена из числа наиболее уважаемых охотников. Думается, что именно благодаря многолетней деятельности Расмуссена, Фрейхена и их коллег, работавших на фактории Туле, такая маленькая этническая общность, как полярные эскимосы, насчитывавшая к концу XIX в. лишь около 250 человек, не только не вымерла при столкновении с миром капитализма, но и сохранила свой этнический облик, уважение к своей традиционной культуре. Расмуссен неуклонно проводил политику рационального использования охотничьей фауны, прямо противоположную политике поощрения хищнического истребления эскимосами оленей-карибу, проводившейся Компанией Гудзона залива на Канадском севере. На наш взгляд, именно эта политика

Расмуссена способствовала тому, что в 1940-х и начале 1950-х годов в общинах полярных эскимосов, по данным Ж. Малори, в отличие от других общин Американской Арктики, доходы жителей превышали их расходы, и охотники не были в долгу у торговых компаний⁸.

Многогранная деятельность Расмуссена среди полярных эскимосов получила официальное признание в Дании. Когда в 1931 г. область Туле была присоединена к остальным датским владениям в Гренландии, Расмуссен был назначен полномочным представителем Дании в Туле, а выработанный им закон Туле действовал на северо-западе острова до 1950 г. Общегренландское законодательство было распространено на этот район лишь со второй половины XX в. Среди зарубежных этнографов нелегко назвать другого человека, который бы в течение десятилетий заботился о какой-либо этнической группе, руководил ею, стремясь облегчить жизнь людей, обеспечить им лучшее будущее.

Практическая деятельность Расмуссена среди полярных эскимосов не мешала продолжению его полевых исследований в различных частях Американской Арктики. В 1912—1933 гг. он возглавлял семь экспедиций, работавших на севере и востоке Гренландии, на севере Канады и на Аляске. Почти все эти экспедиции, получившие название экспедиций Туле (по названию фактории и научной станции Туле), были по своему характеру комплексными. Их участники занимались исследованиями не только в области этнографии и археологии, но и физической географии, геологии, биологии и во все эти науки экспедиции Туле, организованные и руководимые Расмуссеном, внесли немалый вклад. Мы будем касаться только этнографических и археологических исследований, осуществленных самим Расмуссеном или такими его ближайшими коллегами и до некоторой степени учениками, как К. Биркет-Смит и Т. Матиассен.

Первая экспедиция Туле состоялась в 1912 г. Она установила, что Земля Пири не остров, отделенный от Гренландии гипотетическим каналом Пири, а часть последней. Во время этой экспедиции Расмуссен обнаружил на северо-востоке Гренландии остатки самого северного поселения человека в Арктике. Своим открытием Расмуссен привлек внимание археологов к этому району и положил начало изучению древнейшей эскимосской или, может быть, еще протоэскимосской культуры острова. По названию фьорда, на берегу которого Расмуссен впервые обнаружил ее остатки, она была названа культурой индепенденс. Ее создатели появились на берегах фьорда Индепенденс 5 тыс. лет назад и жили здесь несколько тысячелетий, занимаясь главным образом охотой на мускусных быков. Но еще до первого появления в Гренландии европейцев обитавшие на ее северо-востоке люди или вымерли, или переселились куда-то южнее. Во всяком случае пока на острове не обнаружена археологическая культура, которую не только типологически, но и генетически можно было бы считать родственной индепенденс.

Во время Второй экспедиции Туле (1916—1918 гг.), целью которой было комплексное изучение и картографирование северной и северо-западной Гренландии, Расмуссен обнаружил на берегах залива Мелвилл остатки более чем 50 эскимосских долговременных жилищ и исследовал их. В результате Расмуссен выявил и позднее описал старую доевропейскую эскимосскую культуру северо-западной Гренландии, предшествовавшую известной по этнографическим наблюдениям культуре полярных эскимосов. Так как остатки этой старой культуры были найдены сравнительно недалеко от Туле, то Расмуссен и назвал ее культурой туле. Позднее Пятая экспедиция Туле обнаружила следы той же культуры на

⁸ Ph. Godsell. Is there time to save the Eskimo? — «Natural History», 1952, № 2, p. 60, 61; J. Malaurie. Possible consequences of recent economic and social developments among the Eskimos of Thule. — «UNESCO International Social Science Bulletin», 1954, № 3, p. 464.

северном побережье Канады. Археологическими раскопками последних десятилетий было установлено, что открытая Расмуссеном в северо-западном районе Гренландии культура является ответвлением культуры туле Американского континента и была принесена в Гренландию переселенцами с островов Канадского Арктического архипелага в XI—XII вв. н. э.⁹

В Третьей экспедиции Туле сам Расмуссен не участвовал, и археолого-этнографические исследования ею не проводились.

Четвертая экспедиция Туле (1919 г.) была стационарной. Расмуссен собирал фольклор в поселке Ангмагсалик, среди восточноренландских эскимосов — остатков коренного населения восточного побережья Гренландии. Эти люди не были потомками упоминавшихся создателей культуры индигенесов, а переселились на восточное побережье с западного в течение XIV—XVII вв., т. е. еще до начала датской колонизации Гренландии. В первой половине XVIII в. на восточном побережье было довольно много эскимосских селений. Но затем численность местных жителей начинает резко уменьшаться. По-видимому, эскимосы, жившие к северу от Ангмагсалика, вымерли вследствие исключительно тяжелых условий жизни. Что же касается обитателей юго-востока острова, то они отчасти под влиянием миссионеров, отчасти по собственной инициативе переселились на юго-запад Гренландии, где климат значительно мягче.

Как бы то ни было, в начале XX в. Ангмагсалик оставался единственным эскимосским поселением на восточном побережье. Не было здесь и датских колоний. Культура эскимосов Ангмагсалика отличалась от культуры жителей западного побережья рядом особенностей. Некоторые из них (большие общественные дома, крестообразные сиденья каяков, острога для лучения рыбы, особый тип гарпуна и др.) когда-то бытовали и на западе Гренландии, но затем исчезли под европейским влиянием. Другие (покрой женской одежды, головные уборы и др.) появились уже в период их жизни на восточном побережье. В духовной культуре восточных гренландцев выявлены более ранние варианты легенд и преданий, отдельные архаичные обычаи, не сохранившиеся на западном побережье.

Важнейшим результатом Четвертой экспедиции Туле явилась трехтомная публикация фольклора¹⁰. В этом издании содержится также много этнографических материалов об обычаях, верованиях и обрядах эскимосов Ангмагсалика.

О Пятой экспедиции мы скажем несколько ниже.

Во время Шестой и Седьмой экспедиций Туле (1931—1933) были продолжены исследования Расмуссена на восточном побережье. В 1931 г. К. Расмуссен вместе с археологами Т. Матиассеном и Э. Холтведом проплыл вдоль побережья от Юлианехоба на юго-западе острова до Ангмагсалика на северо-востоке и на этом 600-километровом пути обнаружил и обследовал вместе со своими спутниками остатки относящихся к XVII—XVIII вв. почти 150 поселений и 400 жилищ разных типов. Седьмая экспедиция Туле была крупным государственным предприятием. В ее состав входило около 100 человек. У нее были суда, самолеты и другая техника. Основная цель экспедиции — картографирование восточного побережья Гренландии. Умело руководя экспедицией, Расмуссен в то же время продолжал изучение культуры эскимосов Ангмагсалика. Безвременная смерть ученого в конце 1933 г. в возрасте 54 лет от пищевого отравления прервала эти исследования. В конце 30-х годов этнографические материалы последней экспедиции были подготовлены к печати и опубликованы Х. Остерманом, который был редактором и некоторых других посмертных изданий трудов Расмуссена¹¹.

⁹ J. Meldgaard. On the formative period of the Dorset culture.—«Prehistoric cultural relations between the Arctic and Temperate zones of North America». Montreal, 1962, p. 92.

¹⁰ K. Rasmussen. Myter og sagn fra Grønland, Bd 1—3. København, 1921—1925.

¹¹ H. Ostermann. Knud Rasmussen posthumous notes of the life and doings of the East Greenlanders in olden times. Copenhagen, 1938.

Как ни велики были заслуги Расмуссена в изучении культуры гренландцев, величайшим делом его жизни, поставившим его в один ряд с крупнейшими полярными исследователями, была Пятая экспедиция Туле на крайний север Американского континента (1921—1924 гг.). Это была комплексная этнографо-географо-биологическая экспедиция. К участию в ней К. Расмуссен привлек в числе других К. Биркет-Смита и Т. Матиассена, которые тогда только начинали свою научную деятельность, и уже упоминавшегося выше П. Фрейхена. Сначала Расмуссен работал вместе с ними в восточном секторе канадского севера, в частности исследуя вместе с Биркет-Смитом тогда почти неизвестных эскимосов-карибу, живших вдаль от побережья и занимавшихся не промыслом морского зверя, как другие эскимосы, а охотой на оленей-карибу. А затем Расмуссен в сопровождении двух эскимосов двинулся вдоль арктического побережья Америки на запад. С марта 1923 г. по май 1924 г. Расмуссен и его спутники проделали тяжелейший путь на собаках протяженностью в много тыс. км — от Гудзонова залива вдоль северного побережья Америки до Чукотки. Пищу себе и собакам Расмуссен и его спутники добывали охотой. Это был беспрецедентный в истории Арктики санный переход. Расмуссен и его спутники-эскимосы были первыми, кто посетил все племена эскимосов, живших на севере Канады и на Аляске: иглуликов, нетсиликов, медных, макензи и др. Во многих эскимосских стойбищах Расмуссен провел по несколько недель, побывал у таких групп эскимосов, которые еще не видели европейцев. Переезжая из одного стойбища в другое, от одного племени к другому, Расмуссен выявил некоторые локальные различия в языке и духовной культуре разных групп эскимосов. В целом же, как подчеркивал впоследствии исследователь, он убедился в глубоком единстве всех эскимосских культур от Гренландии до Тихого океана. В своих многочисленных научных и научно-популярных книгах, посвященных этому путешествию, Расмуссен воссоздал традиционный образ жизни эскимосских племен, сохранил для потомства их обычаи и верования, уходящие в прошлое, нарисовал индивидуальные портреты своих информаторов, что позволяет глубже проникнуть и лучше понять представления этих людей о себе и окружающем мире¹².

Расмуссен относился к эскимосам с огромной симпатией и уважением и в посвященных им произведениях стремился показать, что, с одной стороны, у них есть своя этническая психология, свой этнический характер, а с другой — уровень индивидуальных различий у них ничуть не ниже, чем у его соотечественников — датчан. Почти сразу же после появления первых научных работ Расмуссена о Пятой экспедиции Туле на них откликнулся Л. Леви-Брюль. Он писал: «Эти сообщения, полученные от шаманов и певцов племен иглулик и нетсилик, раскрывающие их верования и духовную жизнь, являются совершенно уникальными документами среди того, что достигнуто этнологией до сегодняшнего дня... Работы К. Расмуссена об эскимосах так же делают эпоху, как работы Спенсера и Гиллена о племенах Центральной Австралии»¹³.

Изложение всего нового, что внес Расмуссен в эскимосоведение, заняло бы слишком много места. Упомянем лишь о том, что сам Расмуссен считал одним из важнейших результатов своих исследований. Он открыл, что в основе представлений эскимосов об устройстве вселенной лежала вера в могущественную безличную Силу, присутствующую во всем сущем и наказывающую людей, которые без нужды убивают животных. Так, верой в Силу освящалось сложившееся в результате многовекового опы-

¹² K. Rasmussen. Intellectual culture of the Iglulik Eskimos. Copenhagen, 1929; *его же*. The Netsilik Eskimos. Social life and spiritual culture. Copenhagen, 1931; *его же*. Intellectual culture of the Copper Eskimos. Copenhagen, 1932; *его же*. Alaskan Eskimo words. Copenhagen, 1941; *его же*. The Mackenzie Eskimos. Copenhagen, 1942; *его же*. Fra Grønland till Stillehavet: rejser og mennesker, pt. 1—2. København, 1925—1926.

¹³ L. Levy-Bruhl. Le surnaturel et la nature dans la mentalité primitive. Paris, 1931, p. XXI.

та убеждение эскимосов о необходимости бережного, рачительного отношения к природе.

За время своего путешествия Расмуссен составил карту расселения многих эскимосских племен и их территориальных подразделений, собрал огромный вклад в этнографическую коллекцию из многих тысяч предметов. Большой вклад в этнографическую науку внесли и работы совсем молодых еще тогда коллег Расмуссена — Биркет-Смита и Матиассена. Пятая экспедиция положила начало их блестящей научной карьере¹⁴. Вместе с Расмуссеном они обнаружили и исследовали археологическую культуру туле на севере Американского континента.

Некоторые идеи, выдвинутые Расмуссеном и другими участниками экспедиции, выдержали испытание временем. Так, до сих пор считается наиболее вероятным предположение Матиассена о том, что культура охотников на кита возникла на севере Аляски, а затем распространилась на восток до Гренландии. Другие идеи, например поддерживавшееся Расмуссеном положение Биркет-Смита о наследовании эскимосами-карибу древнейшей эскимосской протокультуры, существовавшей до того как ее создатели стали морскими охотниками, не подтвердились. Предки эскимосов-карибу, как убедительно показали позднейшие исследования, лишь несколько столетий назад или даже в XIX в. покинули морское побережье в связи с ухудшением условий охоты на китов¹⁵. Непреходящую ценность, на наш взгляд, имеют этнографические и фольклористические исследования Расмуссена, так как к настоящему времени в результате капиталистической колонизации американского Крайнего Севера его коренное население утратило значительную часть своей традиционной культуры и уже никто не сможет описать ее так, как это сделал Расмуссен.

Со дня смерти Расмуссена прошло около полувека, но его не забывают ни в Дании, ни в Гренландии. В Дании есть фонд имени Кнуда Расмуссена, в Гренландии — высшая школа его имени, а на крайнем севере острова на горе Уманак стоит памятник Расмуссену, который соорудили полярные эскимосы в знак признательности человеку, так много сделавшему для них.

На книги Расмуссена по-прежнему нередко ссылаются и этнографы-североведы, и историки первобытного общества. Имя его заслуженно вошло не только в историю этнографии, но и в летопись борьбы прогрессивных ученых и всех демократических сил за лучшее будущее малых народов, живущих на краю ойкумены.

KNUD RASMUSSEN AND HIS ESKIMO STUDIES (TO THE HUNDRETH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

The author recounts the life and traces the creative achievements of Knud Rasmussen, the Danish ethnographer and explorer of the Far North, who organized and led many integrated ethnographical-biological-geographical Polar expeditions.

Knud Rasmussen was born in Greenland on the 7th of June, 1879. He has come down the history of science as the first explorer to visit and study all Eskimo tribes from the eastern coast of Greenland to Alaska; this was done in the first three decades of the 20th

¹⁴ K. Birket-Smith. *The Caribou Eskimos*, v. 1—2. Copenhagen, 1929; *Th. Mathiassen*. *Material culture of the Iglulik Eskimos*. Copenhagen, 1928.

¹⁵ W. Oswalt. *Alaskan Eskimos*. San Francisco, 1967, p. 35, 242, 243; W. Taylor. An archaeological perspective on Eskimo economy.—«*American Antiquity*», v. XL, № 158, 1966, p. 117; *его же*. And then came Man.—«*People of Light and Dark*». Ottawa, 1966, p. 4; D. Dumond. *The Eskimos and Aleuts*. London, 1977, p. 140, 147.

Недавно была сделана попытка доказать, что эскимосы-карибу не поздние пришельцы с побережья, а давние обитатели тундр, лежащих к западу от Гудзонова залива. Однако при этом не воскрешается старая идея об эскимосах-карибу как представителях древнейшей стадии в развитии эскимосского этноса. См. E. Burch. *Caribou Eskimo origins: an old problem reconsidered*.—«*Arctic Anthropology*», v. 25, № 1, 1978.

century. This permitted him to establish the basic unity of Eskimo culture over the whole American Arctic area and to make a substantial contribution towards the research into its origins. Knud Rasmussen is the author of many books on the intellectual culture of different Eskimo groups. These books remain a valuable source not only for the exploration of the Far North but for research in prehistory.

The complex expeditions led by Knud Rasmussen charted extensive areas in northern and eastern Greenland and on Baffin Island; they promoted studies of the geological structure, flora and fauna of these and some other regions.

K. Rasmussen was not only a scientist but a man of action. He founded a trading and a research station and through these, in the course of more than a score of years, he directed and controlled the economic and cultural changes in the society of Polar Eskimos, striving to alleviate the harmful consequences of contact between this small people and the world of capitalism. By his works in the field of popular science Rasmussen did much to acquaint Europeans with the life of the island's aboriginal population.
